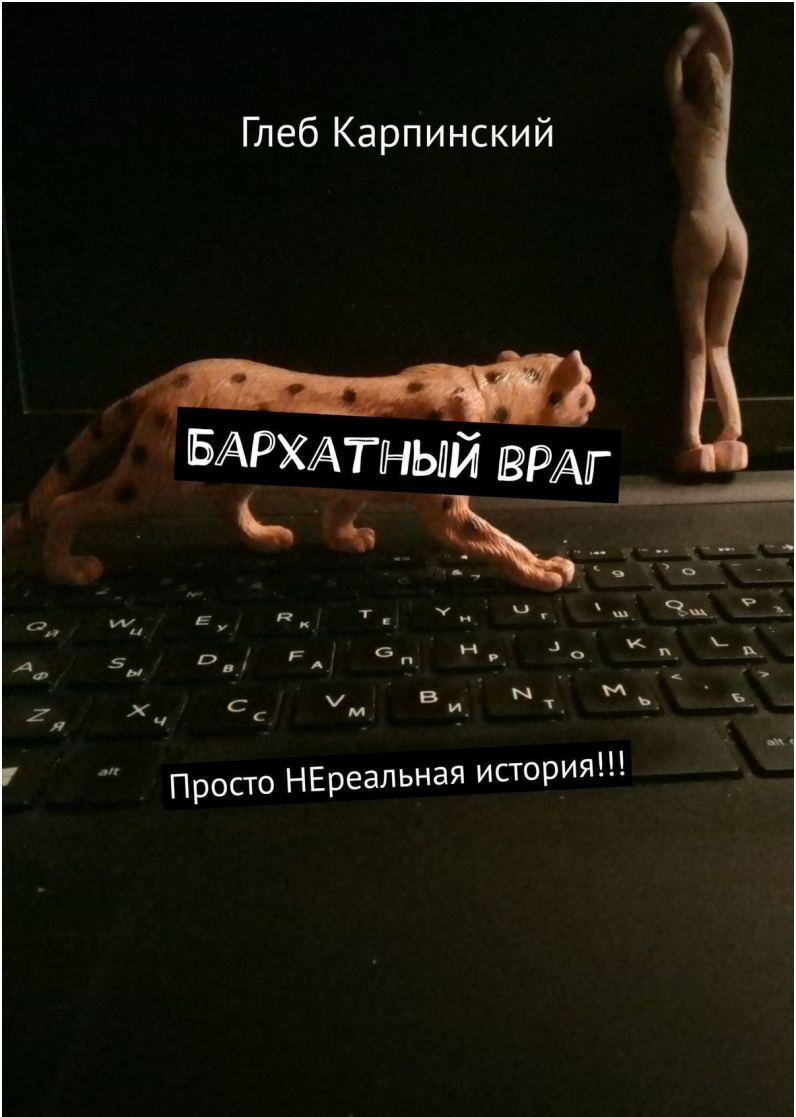
Глеб Карпинский
БАРХАТНЫЙ ВРАГ
Просто НЕреальная история!!!

Глеб Карпинский

Бархатный враг. Просто НЕреальная история!!!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40649821
ISBN 9785449629746

Аннотация

В одном из кафе под Новый год встречаются три лучшие подруги, неисправимые извращенки со стажем. За бокалом шампанского они делятся друг с другом тайными эротическими желаниями. На первый взгляд кажется, что все хорошо: они прекрасно выглядят, у них есть семья, и они любимы мужьями, и главное – достаточно обеспечены. Но для полного счастья им не хватает лишь одного – реализации этих желаний…

Содержание

Подруги в кафе 5
Тайные желания 17
Цветущая сакура 26
В бане с достойным Сантой 39
Укрощение плоти 46
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Бархатный враг
Просто НЕреальная история!!!

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская
Фотограф Глеб Карпинский

© Глеб Карпинский, 2019
© Глеб Карпинский, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-2974-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Подруги в кафе

Было только десять часов утра, а по эскалатору торгового центра уже спускались с покупками плотными рядами довольные посетители. В столице вовсю начинались новогодние распродажи. Все весело разговаривали, смеялись, лица светились предпраздничной эйфорией.

– Я, девочки, у «вечного огня» (на кухне) вчера пару часов провела, – жаловалась своим подругам одна барышня в фетровой шляпке а-ля охотница.

На плечи ее был накинут полушубок из розового искусственного меха, коротенький настолько, что эротичный животик с поблескивающим в пупке пирсингом неприлично оголялся.

Эта, жалующаяся на своего непутевого мужа, барышня только что встала спиной по ходу движения, делая плавный взмах свободной рукой в белой перчатке, будто дирижер перед началом концерта. Две ее попутчицы, ставшие на эскалатор следом, возвышались над ней так, что она буквально «дышала им в пупок». И это несмотря на то, что она носила модные не по погоде туфельки на высоком каблуке.

– Потом поехала с подругой провожать другую подругу в аэропорт, – шмыгнула она напудренным носиком. – Там меня и переклинил позвоночник в грудном отделе…

Жестикулировала она с какими-то дрожащими до кон-

чиков пальцев вибрациями, то внезапно замирая, то снова взрываясь от переполняющих эмоций, словно все это происходило под музыку Чайковского или Моцарта.

В прошлом эта интересная во всех отношениях барышня была известной скрипачкой, еще относительно недавно давала концерты за рубежом, в частности в Японии, и все эти культурные вымученные изыскания отразились на ее детском, почти невинном лице загадочной грустью, разгадать которую мог далеко не каждый. Особенно это касалось продавцов сигарет и алкоголя. Они все время требовали у нее на кассе показать паспорт, тем самым, сами того не понимая, делали ей хороший и, к слову, заслуженный комплимент.

Звали бывшую скрипачку Эльмирочкой или Мирой, но в музыкальном сообществе ее знали под творческим псевдонимом Смычок, но не потому, что она виртуозно играла на скрипке, а потому что умела в свою бурную молодость с легкостью крутить короткие интрижки с дирижерами, импресарио и другими директорами концертов. Все это у нее называлось «попиликать на два-три смычка». Когда же ей стукнуло тридцать лет, она неожиданно для себя выскочила замуж за успешного барабанщика одной известной группы и нарожала ему кучу детишек. Сейчас ее любимая скрипка пылилась в чехле на заслуженном отдыхе, но старые привычки давали о себе знать постоянно.

– Пока приехала домой, поделала пару упражнений, попросила его поднять меня спина к спине, чтобы вставить

позвонки, если они сместились… – продолжала Мира-Смычок, шмыгая носиком. – Он поел, выпил водочки, настроение у него уютное, несмотря на то, что я хожу, постанываю. Я даже испугалась… А он говорит: «Может, замутим сегодня, кошечка!?»

У Эльмирочки удачно получилось скопировать подхалимный голос мужа, и подруги, знавшие ее супруга не понаслышке, невольно улыбнулись.

– «Надень на меня корсет и е…!» – так и сказала, девочки. Накипело все, дрожу от злости. «Я думал, – говорит, – как лучше тебе сделать». Ну как можно? Мне и в голову не придет такое, когда ему плохо…

– Вот ты меня удивляешь, Мирочка. Тебе уже давно за.., а ты до сих пор не знаешь, что у мужчин совсем другая логика, – успокаивала ее одна из подруг в дорогой норковой шубе.

Это была Лариска, или, если официально, Лариса Николаевна. То, что у нее был свой собственный салон, услугами которого она пользовалась ежедневно, заметно было по внешнему виду. В укладке прически угадывалась рука мастера, маникюр на ухоженных пальчиках напоминал окружающим целое произведение искусства, а гладкая и увлажненная различными кремами кожа отдавала загаром, добиться которого можно было только при частом посещении солярия.

Эта дамочка чувствовала некое превосходство перед подругами, но не потому, что была богаче или образованнее.

Отнюдь. Просто у Ларисы Николаевны наступил раньше других климакс, и она не нашла ничего лучшего, как гордиться этим, и даже взяла шефство над «запозднившимися в этом плане» подругами.

Третья подружка – худощавая блондинка с нахмуренными бровками и большим эротичным ртом, способным разом проглотить связку бананов, час назад бросила свой красный Феррари напротив главного входа и до сих пор числилась среди вечных студенток Гарварда или Кембриджа.

– Ой, давайте, присядем здесь! Поболтаем! – встрепенулась хозяйка салона вдруг. – Голова кругом… Вы, кстати, с гирляндами осторожно, девочки! У одного моего знакомого елка под самый Новый год вспыхнула. Так и тушили, чем могли: винегретом да солеными грибами. Фу! Голова кругом идет. Моя Танечка (личный психолог) так и говорит: «Болтовня помогает женщинам снимать стресс».

На цокольном этаже, рядом с елкой, касающейся макушкой купола атриума, располагалась кофейня. Спускающийся эскалатор буквально упирался в ее барную, украшенную мигающими гирляндами, стойку. Тут всех ждало большое искушение, и обычно посетители, утомленные шоппингом, невольно погружались в атмосферу праздничного комфорта. Уютные диванчики в приглушенном свете свисающих ламп и чудесный аромат свежесваренного кофе располагали к беседе. Любой желающий, имеющий лишнюю тысячу рублей в кармане, мог плюхнуться на один из этих диванчи-

ков вместе со своими покупками и взять себе чашечку кофе и обязательно шоколадный бисквитный десертик, непременно украшенный фирменной вишенкой. И пока услужливые официанты в идиотских колпаках Санта Клауса колдовали над кофеварками, счастливчик в ожидании заказа либо читал алкогольную карту, либо рассматривал над собой разноцветные елочные шары. Когда ему приносили заказ, он обычно медлил, подолгу мешал ложечкой или пробовал на вкус пенку в чашке или вытаскивал двумя пальчиками за плодоножку ягоду из десерта, просматривал на просвет в ней косточку и опускал затем в рот, непременно закрывая от удовольствия глаза и сладко причмокивая.

На одном из таких диванчиков и расположились наши симпатичные героини. Всем троим было слегка за сорок пять, но это только по паспорту. Относительно здоровый образ жизни, правильное питание и в некоторых случаях «пластика» творили чудеса. Они смеялись, шептались, в общем, вели себя с непринуждённостью, свойственной лучшим подругам, изловившим себе свободную минутку, чтобы немного поболтать и посплетничать.

К тому же, походы по торговым галереям в поисках новогодних подарков своим мужьям и детям утомили их. Не забыли они и про себя любимых. Среди пакетов мелькали бренды нижнего белья и дорогого парфюма.

– Обожаю это место! – призналась Лариса Николаевна, сплевывая вишневую косточку в фарфоровое блюдечко. –

Чувствуешь себя как дома, а вишенка как всегда бесподобна.

– Ой, девочки, мне бармен сейчас подмигнул или это кажется… – улыбнулась бывшая скрипачка, кокетливо поправив на себе шляпку.

Сейчас Эльмирочка находилась в какой-то экзальтации от подмигнувшего ей молодого мальчика. Она отказывалась верить доводам подруг, что у парня может быть просто нервный тик.

– Ой, зря Вы, девочки, смеетесь, – досадовала она. – Мальчик хороший, молоденький. Наверняка, мечтает отодрать меня, старую добрую шлюшку, в ближайшей подсобке в особо извращенной форме. Боже, какой смешной! А руки-то у него просто золотые. Смотрите, как он разливает из кофейника… Ммм… Обожаю кофейники…

В ожидании заказа (дамы решили взять себе шампанское) бывшая скрипачка сбросила с себя свой вульгарный полушубок, оставшись в не менее откровенной блузке. Она даже разулась и, убрав под себя свои ножки в красных леггинсах, удобно расположилась по-турецки на диванчике. Там она позволила себе разминать свои ноющие от постоянного хождения на высоком каблуке ступни с таким нескрываемым наслаждением, что окружающие и проходившие мимо мужчины стали невольно поглядывать на нее.

– Мирочка, – не выдержала третья красавица с длинной русой косой. – Ты всегда имитируешь оргазм в постели, или только во время шоппинга? Я вот всегда честна с мужиками.

Ну не орел если, так и говорю… «бедный ты мой воробушек» и по головке глажу…

– Правильно, Жанна, головку стимулировать необходимо, особенно если мужчина в возрасте…. – в ответ кольнула больно Эльмирочка, явно намекая на почтительный возраст мужа подруги, и опять стрельнула взглядом в сторону барной стойки.

– Мой Жорик, между прочим, – самый лучший мужчина, – гордо парировала Жанна дерзкий выпад. – Он твоему бармену еще фору даст.

Стоит отметить, что Жориком Жанна называла не только своего мужа. Все подруги знали, что это такой оборот речи и что под такое определение попадают все богатые мужики-толстосумы, оказывающиеся в поле зрения бывшей манекенщицы-экскортницы, а позднее увядающей фотомодели для мужских журналов. Настоящий же муж Жанны редко кому показывался на глаза, предпочитая роль серого кардинала. Поэтому не будем называть его скромное имя, чтобы не привлекать внимание общественности и налоговых органов.

Денег у Жанны было, действительно, хоть отбавляй. Она купалась в роскоши и могла себе позволить все, что хотела. Эта вседозволенность во многом испортила ее характер. Только тот факт, что она искренно не понимала, как люди могут жить без красного Феррари, говорил о многом. Помимо прочего, голова у нее всегда была занята какой-то

сектантской мишурой, преимущественно диетами и восточной философией. Вообще эта блондинка была натурой легко внушаемой, но быстро отходчивой. Но если она загоралась, то окружающие должны были сиять и сгорать вместе с ней, а если этого не происходило или кто-то имел на сей счет свое мнение, она просто вычеркивала таких из жизни и включала в свой круг общения только после унизительного покаяния. Вот отчего ее терпеливым подружкам приходилось не сладко.

Казалось, эти избалованные фортуной женщины перепробовали все тренды модных учений последних лет. Они даже отказывались от бараньего мяса в чесночном соусе в священный для мусульман праздник Рамадан и не пили больше французское вино моложе урожая 1984 года. Ведическая йога на высокогорной Канченджанге, однодневный курс тантрической Камасутры в Мюнхене и изучение китайского языка посредством тактильных ощущений – всё это было ничто, пока они не прочитали на свою беду книгу какого-то американца «Волшебство утра» и в течение полугода вставали в четыре утра и пели странные мантры, обычно выражающиеся одним завывающим звуком «Ам» или «Ом». Дело приняло такой широкий размах, что мужьям пришлось тратиться на частных психиатров, которые, в конце концов, прописали лечение плеткой, чтобы окончательно выбить дурь из одураченных дамских головок. Но современная израильская медицина не учла тот факт, что любое насилие порож-

дает ответную сексуальную реакцию, и наши дамочки еще долго сидели на БДСМ, озолотив местные секс-шопы.

– Ну, хватит, девочки, ругаться, – вмешалась в разговор Лариса Николаевна. – Ведь Новый год на носу, и я от всей души хочу поздравить Вас….

Она к тому времени уже вытаскивала из подарочной коробочки с оранжево-черными полосками флакончик из толстого, точно линза, стекла.

– У паренька темнокожего по акции у входа в Лореаль приобрела, – призналась она, радуясь, как ребенок. – Говорит, не подделка. Chanel «Tigresse, plus de férocité». (Шанель, «Тигрица, больше свирепости!). Ну что, бесстыдницы-извращенки, кто в этом году был пай-девочкой?

– Что-то пахнет как-то подозрительно… – принюхалась Жанна. – Это точно Шанель?

– Ты что! Это эко-серия для феминисток, специально к Рождеству. На нее в Париже очередь с лета записывалась, а сейчас вообще хрен достанешь. Там в составе фишка есть. Моча течной тигрицы, разбавленная родниковой водой аж трех озер Салагу, Гоб и Капитетелло. Все доходы от продажи идут в фонд живой природы.

– Откуда вообще у того парня Шанели?

– Говорит, в Duty Free в Сенегале у него дядя работает, а он тут в Москве у парфюмерных салонов околачивается. Цена почти в три раза ниже, а качество выше. Ну, разве не Шанель, девочки? Я у него еще скрабов разных набрала

для массажа. Кто берет?

– Ладно, моя водичка! У меня как раз духи закончилась, – согласилась блондинка, выхватив из рук Ларисы Николаевны заветный флакончик и тем самым оставив за бортом бывшую скрипачку.

Эльмирочка в ответ надула демонстративно щеки и выдохнула. «Больно мне и надо было», – показывала она своим равнодушным видом.

В этот момент подошел барменчик в колпаке Санта Клауса и расплылся в улыбке. На подносе в его руках стояли три флюте на высокой ножке. В качестве особого подарка парень вручил Эльмирочке мандаринчик и почтительно поклонился.

– Ах, ляпота-то какая! – хлопнула в ладоши Лариса Николаевна, рассматривая, как пузырьки бьются о стенки хрусталя и поднимаются на поверхность. – Ну, что, девочки, вздрогнем?

– А это точно шампанское или тоже у негра за углом куплено? – спросила Эльмирочка, еще усерднее разминая свои пяточки.

– Обижаете, – улыбнулся бармен бывшей скрипачке. – Как можно обманывать такую красивую женщину!

Мирочка, польщенная комплиментом, поправила локон волос за ушком и облизала губки.

– Ну, уж если Вы так уверены…

Бармен почтительно поклонился, понимая, что пауза за-

тянулась, и с неохотой отправился к барной стойке, где его ждали кофеварки. Ему, очевидно, очень хотелось присесть за столик с этими барышнями.

– Как тебе удается так мужиками крутить? – поразилась Лариса Николаевна. – На меня этот юнец даже не смотрит.

– Все потому что, Ларик, – улыбнулась Эльмирочка. – Моя душа, как в «Радости любви» Крейслера, весело и мажорно парит над суетой города, никогда не теряя личной свободы. Все это, несомненно, действует на мужчину, как красная тряпка на быка.

– Ну да, конечно, – ухмыльнулась блондинка Жанна. – Уж признайся нам, что этот тупой малолетка на твои лосины запал. Ты бы еще их на голову натянула для убедительности.

– Красный цвет, не тебе говорить, всегда выигрышный. А что? Может, сейчас выпью бокальчик и натяну, так сказать, во все тяжкие пущусь, – шмыгнула напудренным носиком Эльмирочка. – Я уж «на склоне лет» могу себе и не такое позволить.

Подруги прыснули от смеха и взяли по бокалу шампанского.

– С наступающим Вас, девочки! – улыбнулась Лариса Николаевна. – И давайте загадаем желания, чтобы они непременно исполнились!

– У меня желаний особо никаких нет, – призналась Жанна. – Разве что водителя сменить. Тут кто-то про негров говорил из Сингапура. Может, подойдет?

– А чем тебе Павлик не устраивает? Он же вроде даже в Формуле-1 участвовал…

– Ты как с Луны свалилась. Белый водитель уже не в топе, и я давно хочу проверить сочетание красного с черным.

– Ты не новатор, Жанка. – съязвила Эльмира. – Кутюрье Стендаль тебя опередил…

– Что-то я не помню такую фамилию среди законодателей моды. Но это куда лучше, чем ночные поллюции Версачи с его вечными тягами к розовым котикам.

– Ну ладно, девочки, – опять взяла на себя роль миротворца Лариса Николаевна. – Коль у вас нет желаний, давайте просто выпьем.

Тайные желания

– Отличная идея, – поддержала подругу Эльмирочка. – Я за!

Подружки чокнулись, и звон бокалов поднял настроение. Шампанское быстро ударило в голову сумасбродных красоток. В их глазах заметно засветился шаловливый блеск.

– Ну, без желаний как-то неинтересно, – покачала головой Лариса Николаевна. – Особенно эротических. Что мы на пенсии уже, девочки? Ну, не помню, рассказывала я вам о том, что в последнее время я просто теряю контроль, когда оказываюсь на открытых пространствах?

Голос хозяйки салона перешел на шепот, и она, выдерживая интригу, взяла со стола мандаринчик у Эльмирочки. Притихшие подруги переглянулись.

– Да, что-то припоминаю, – нахмурилась вдруг Жанна. – Это, кажется, было прошлым летом на площади Тяньаньмэнь…

Лариса Николаевна только что очистила мандарин от кожуры и вложила в уста каждой подруге по сочной дольке.

– Да, чудесная площадь… – вздохнула она с ностальгией. – Именно там я вдруг поняла, чего хочу. Помнишь, Жанночка, как я жадно искала глазами прохожих мужчин, задирала платье выше колен и постукивала каблуками, как какая-то строптивая лошадь?

– Помню, помню, понесла нас нелегкая, – проиронизировала Жанна, обращаясь к бывшей скрипачке. – Как только мы вышли при всем параде, Мирка, – и она показала руками свои преувеличенные формы, – эти любители Доширака набежали на нас со всех сторон, точно голодная саранча. Думала грешным делом – изнасилуют и сожрут, а они только фотографируются с нами…

– А мне китайцы нравятся, славные ребята, – улыбнулась Мирочка. – Когда я была молодой, то ездила с концертами в Маньчжурию… Мне тогда как раз дали первую скрипку, а смычок как назло сломался. Уж попотела я тогда, бегая по местным блошиным рынкам, и очень волновалась…

– Да погоди ты опять со своими скрипками! – отмахнулась от нее Жанна. Она слышала эту историю уже не в первый раз. – Не перебивай Ларика.

– Да я собственно все уже рассказала, – вздохнула Лариса Николаевна. – Вот хочу еще раз туда съездить, на эту площадь и непременно ночью под луной. Представьте, девочки, брожу я там в платье и в сапожках.. с виду приличная женщина, может, очки солнцезащитные…

– Да на кой тебе ночью очки солнцезащитные? – не выдержала бывшая скрипачка и хихикнула.

– Не перебивай, пожалуйста, – заступилась за рассказчицу Жанна. – Будет твоя очередь….и мы посмеемся.

– Ну и вот гуляю, – продолжила Лариса Николаевна с трепетом в голосе, – никого вроде не трогаю. И вот он сзади

подходит, юбку вот так мою бесцеремонно задирает, а там я без трусиков…. «Ах, ты грязная сучка, Лариса Николаевна! Позвольте Вас отодрать», – говорит так все ненавязчиво и делает свое черное дело, а я вся дрожу, девочки, и позволяю…

– Ну, ты даешь, Ларик! Откуда ж он знает, как тебя зовут? – засмеялась опять Эльмирочка. – Ты уж тогда на спине напиши имя и отчество полностью.

– Ну да, точно! Ты уж там, подруга, напиши поподробнее инструкцию по применению, а то вдруг недогадливый извращенец попадется. Юбку задерет, повздыхает-поохает и дальше пойдет, – добавила Жанна, едва сдерживаясь от смеха.

– Ну, хватит, девочки, издеваться, – обиделась на подруг Лариса Николаевна. – Я вам душу тут изливаю, а вы…

– Ну не обижайся, зайка… – чмокнула ее в щечку Жанна. – Мы, такие-сякие сучки, больше так не будем. Честно, честно, да, Мирочка?

Бывшая скрипачка, все еще хихикая, кивнула, представляя, как Лариса Николаевна в солнцезащитных очках бродит ночью по Тяньаньмэнь с задранной юбкой.

– Смейтесь, смейтесь, – покраснела Лариса Николаевна. – Давайте теперь и Вы колитесь. Ваши мужья наверняка не догадываются, что вы извращенки еще те…

– Мой Жорик ни о чем не догадывается. Он все обо мне знает и все позволяет, – гордо сказала Жанна. – Он так и говорит. Делай, что хочешь, хоть на голове стой, но раз-

вод у нотариуса заранее подпиши. Не хочется ему, якобы, мне пособие платить по инвалидности. Вот козел! Но для меня занятия йогой в прошлом, а вот отпроситься у него на недельку-две в экзотическое путешествие – это, пожалуйста.

– А куда собралась-то? Возьми и нас с собой, – встрепенулась Эльмирочка, высмаркиваясь в салфетку.

– Нет уж, – и блондинка показала фигу. – Сначала я первая дорожку протопчу.

– Куда же тебя нелегкая понесет на этот раз? – спросила немного успокоившаяся Лариса Николаевна.

– Андаманские острова, может, слышала?

– А чем уже Канары не катят? – удивилась Эльмирочка.

– Канары Канарами, а вот Бенгальский залив – круче некуда. Там есть такие острова, где живут настоящие дикари.

– Дикари? – переспросила, не веря своим ушам, Лариса Николаевна.

– Да, настоящие дикари! – подтвердила блондинка. – Не то, что твой коммивояжёр из Сенегала. Они фигней всякой у входа в Лореаль не торгуют, а занимаются собирательством и охотой. Вместо одежды набедренные повязки, да и не у каждого, наверно.

– Что ж ты там забыла? – ахнули в один голос подружки.

– Уж не ради банановой диеты… – загадочно прошептала Жанна. – Есть у меня одна мыслишка, которая не дает мне покоя вот уже… не важно сколько лет. Хочу вон с таким

красавчиком, ну это, как его, – и она показала неприличное движение пальцами рук… – Я ему бусы, а он мне пять минут удовольствия. Как представлю, что меня такой первобытный берет, аж дрожу вся…

– Фу, какая мерзость… – поморщилась Мирочка. – Ты смотри, как бы они тебе на радостях копье в попу не вставили!

– Не вставят, девочки! – закачала крашеной головой блондинка. – Моя попа и не такое видала!

– Ой, смелая ты какая, Жанна, – всплеснула руками Лариса Николаевна. – И совсем ни капельки не боишься?

– Ну, это не так уж и страшно! – улыбнулась бывшая фотомодель со стажем, поправляя косу за спиной. – Страшнее всего в солярии заснуть, а потом еще в мужском журнале без грима опубликоваться. Я тебе, Ларик, оттуда сувенирчик привезу какой-нибудь. Черепок или сушеный палец. Ну а ты, Мирочка, чего молчишь? Уж не хочешь ли ты отсидеться, тихоня? Твоя очередь сказки рассказывать.

Эльмирочка, услышав свое имя, промокнула нос салфеткой. Откровения подруг немного смутили ее культурную душу.

– Ну а что я? Мне как-то неловко в вашем распутном обществе, девочки, находиться. Вначале вы тихонями прикинулись, а тут такое сказываете после первого бокальчика. Я по сравнению с вами просто монашенка какая-то!

– Давай, колись, Мирочка! Мы тебя не отпустим! – ти-

хо улыбнулась Лариса Николаевна, положив свой подбородок себе на ладонь и посмотрев на Эльмирочку умоляющим взглядом.

– Не тяни резинку! – фыркнула, напротив, неодобрительно жена серого кардинала.

– А я и не люблю резинки, – оправдывалась скрипачка. – Мне важно полное доверие с мужем.

– Это мы уже заметили! – ухмыльнулась Жанна, намекая на то, что ее музыкальная подружка – многодетная мама. – Известно, чем все это заканчивается… Ну, хоть вспомни что-нибудь из прошлого… Честно, честно, мы никому не расскажем твою фантазию…

– Как говорил один порядочный еврей, – спокойно ответила Мирочка, допивая шампанское, – за каждой фантазией скрывается неосознанная потребность в любви.

– Это уж верно. А мы и не спорим, – согласились подружки.

Они сделали знак бармену, чтобы тот принес еще по бокальчику.

– Вы как будто определились, девочки, – начала свой рассказ Мирочка, – а я вот думаю, разбираю свои фантазии, и мне сложнее. У меня их целое буйство, вихрь прям, одна другой ярче. Вот одна фантазия буквально на днях реализовалась. Всю жизнь мечтала и вот… Как-то, так сказать, «на склоне лет», решила я мужу рубашки постирать, устроила тотальную стирку, и что-то понять не могу, хочется и все,

хоть на стенку лезь. А муж как назло в командировку уехал. У них там барабанный марафон какой-то в Ижевске. Бухают целый месяц и стучат своими палочками, кто лучше, а я тут хожу одна по квартире прибалдевшая, все прислушиваюсь к чему-то. Вдруг понимаю, это барабан стиральной машины вибрирует, белье отжимается и так мне сила и мощь этого барабана запала в душу, что понимаю… вот бы меня на эту машинку кто-нибудь подсадил. Только подумала, аж дрожь по всему телу идет. Вдруг звонок, ну прямо как кто-то услышал. Дети у меня по школам еще, кто бы это мог быть? Открываю. Стоит, ну кто бы Вы думаете? Ни за что не угадаете? Ладно, не буду мучить. Мастер по ремонту стиральных машинок. Видимо, я в пылу аффекта была, что стала всем звонить и требовать срочно посмотреть на работу моей машинки. «Вы мастера вызывали?» – спрашивает хмуро. Мужчинка серьезный такой, с усами. Говорю «да», а сама халатик расстёгиваю… «Вызывала вас», – говорю, да с таким придыханием, что у самой аж ноги подкашиваются. Он заходит в ванную комнату, ставит свой чемоданчик на пол и говорит. «У Вас вроде все работает. Может, кнопка на долгой стирке заедает?» А я сажусь на машинку, вся сама не своя. «А разве не требуется отцилиндровка каких-то колесиков или продувка шлангов? – спрашиваю. – Видите, как все скачет-то». Ну и действительно барабан крутится, машинка трясется, я как на коне, подпрыгиваю, а этот усатый товарищ так незатейливо ножки мои раздвигает. «Так, – говорит с таким

серьезным изучаемым видом… – Пожалуй, стоит снять гарантийные клепки, вот только нужно согласие собственника». «А он, – отвечаю, – давно груш объелся». «В таком случае начинаю распломбирование счетчика». Ну и давай меня усами там щекотать своими. Часа два щекотал, орала так, что соседи думали, кота кастрируют, а когда ушел, даже денег не взял. Интеллигент, бл… Только дух перевела, а тут опять звонок. Новый мастер. Слава богу, без усов на этот раз. Спрашивает «Вызывали?». У меня аж слов нет, только киваю. «Заклинило что ли?». Опять киваю. Никаких документов не требует, кладет меня молча на поверхность машинки с прикладом ближе к краю, задирает мне ноги до самого потолка. «О, – говорит. – Тут никакой гаечный ключ не поможет… Машинке Вашей, кажись, писец полный». И давай ноги мои крестом у себя на шее скручивать, душить себя ими… Несколько раз сознание, бедняжка, терял, выдохся напрочь, я его потом сладким чаем отпаивала, девочки, а когда ушел, машинка моя и вправду накрылась…

Мирочка взяла со стола алкогольную карту и стала ей махать как веером. Собственный рассказ ее так увлек, что она, казалось, сейчас прислушивалась к звукам торгового центра, не гремит ли где-нибудь поблизости стиральная машинка. В этот момент подошел уже знакомый бармен с новой порцией шампанского, и бывшая скрипачка расплылась в улыбке.

– Наконец-то!

– Какая у Вас красивая шапочка…, – заметила Жанна.

– Ну, а где, молодой человек, мандаринчик? – заметила Лариса Николаевна. – Не порядок.

Остренькие язычки барышень уже заплетались, и все довольные прыснули от смеха.

Цветущая сакура

Мирочка в то веселое утро так и не успела поведать о своем настоящем тайном желании, предпочтя рассказы из уже давно забытого прошлого. Даже когда вторая порция шампанского вывела ее на откровенный простор, она до последнего держалась. И даже когда бывшая скрипачка уже вроде ухватилась за одну из вороха потаенных фантазий и вот-вот собиралась рассказать подругам о том, что давно мечтает попробовать «это» в лифте многоэтажного дома, ей неожиданно позвонил ее барабанщик. Звонил он редко, и Мирочка не на шутку испугалась и подумала, что дома что-то нехорошее случилось с детьми.

– Что с Витенькой? – чуть не потеряла она дар голоса, вскочив с дивана и спешно обувая свои туфли.

На лице женщины появилась тревога, но муж быстро успокоил жену короткими репликами типа «все пучком, не дрейфи» и «Новый год, вашу мать».

– Я просто соскучился по тебе, крошка… – говорил он мурлыкающим голосом. – Каким же я был ослом, что все эти годы не обращал на тебя внимания. А эти твои бесконечные варки борщей и жарка котлет… Ты заслуживаешь больше, чем орден… Бросай срочно все дела! Мы летим в Токио!

– Ты что опять напился? – недоверчиво спросила она, ничего не понимая. – С Витенькой точно все нормально?

– Все нормально, кошечка. Оставь его в покое. Он уже мужчина.

– Но…

– Никаких «но»! Два билета бизнес-класса лежат у меня на пузе. Ты же давно мечтала об этом? Ну, скажи, что я молодец, кошечка?!

– У меня просто нет слов… Почему ты молчал?

– Хотел сделать тебе сюрприз. Вылет сегодня вечером.

– А как же дети?

– По их поводу я уже договорился с твоей мамой. Ну что, круто?

– Не то слово…

– Да я сам в ах..е! Но ты все это заслужила! Ты моя сладенькая… Заодно поправим себе спины! Я слышал, там гейши творят чудеса – продолжал толкать сладкие дифирамбы хмельной барабанщик. – Ну что скажешь? Ты разве не рада? Я помню, как ты всегда хотела вернуться туда, хоть на денек… Рвем когти, кошечка. Я уже пакую чемоданы.

Мирочка, сама не своя, накинула свой полушубок из котика и извинилась перед подружками, расцеловав каждую в обе щечки.

– Ну, все, девочки, форс-мажор, как-нибудь в другой раз поболтаем! С наступающим! Мальчика того в колпаке не обижайте. Всех целую, обнимаю, чмоки-чмоки…

Затем она бросила воздушный поцелуй бармену, и тот даже раздосадовано стащил с головы колпак. Его растерян-

ность позабавила ее, и она весело и звонко засмеялась.

– Адьес, Санта!

Ее высокие каблуки громко застучали по цоколю. Прохожие мужчины оборачивались и невольно восторгались подвижностью ее бедер.

«Неужели я лечу в Японию!» – не верила в свое счастье Мирочка и еще активнее виляла бедрами.

Уже на выходе она поймала подвернувшегося ей таксиста и, плюхнувшись к нему в машину, дала домашний адрес. Новогодний сюрприз от мужа произвел на нее феерическое впечатление. В голове звучала первая часть концерта Бетховена «Allegro ma non troppo», и Мирочка по-христиански с умилением прощала мужу все свои обиды: его грубость и матершину, все это эгоистическое самоуправство, в котором ей отводилась роль безропотной служанки-свиноматки, с которой можно было делать все. Сейчас она была готова при встрече броситься в объятья искупившего свое прощение мужа, стащить с него дурно пахнущие носки и расцеловать каждый палец его ступней нежно, слезно, до самозабвения.

– Что же ты молчал, дурачок? – выдаст она при встрече, как только отроет дверь в квартиру. – Ах ты, пьянчуга этакий!

Мирочка уже бывала в Японии прежде с концертами, и эта страна понравилась ей доброжелательностью местных жителей, суши и, конечно, садами с цветущей сакурой.

Ей навсегда запали в душу традиции страны восходящего солнца, когда с началом весны семьи, друзья и одноклассники рассаживаются в парках под цветущими деревьями, чтобы насладиться торжеством природы. Радостные и счастливые, они расстилают прямо на зеленой траве белые скатерти и ставят на них принесенную с собой еду, а вечером зажигают бумажные фонарики и пускают их в небо, хлопая в ладоши и улыбаясь… Эти японцы ей казались сейчас особо одаренными детьми, послушными и благодарными.

«Им не надо варить по утрам кашу, – думала она, – не надо стирать одежду, делать за них домашнее задание в школе, переживать и не спать ночами, когда они заболели».

Все эти светлые воспоминания вернули ей молодость, когда она восемнадцатилетней девочкой отправилась в свое первое зарубежное турне в составе симфонического оркестра. Ей захотелось увидеть цветущую сакуру, вдохнуть эти тончайшие ароматы любви, напиться саке и просто позволить себе безумство души и плоти. Она мысленно потянулась к давно забытой скрипке, и пальцы ее невольно вздрагивали, представляя, как играет «Времена года» Вивальди. Душа трепетала, словно бабочка над цветами, ее переполняли приятные, многообещающие эмоции… Интимные разговоры с подругами разбередили ее фантазии. Она вдруг почувствовала себя женщиной, любимой и желанной. Это состояние вознесло ее до высот, где серебристым крылом касался облаков самолет, несущий ее в страну цветущей саку-

ры. Она вдруг захотела заняться любовью с мужем именно там, на ветвях, усыпанных миллионами нежно-розовых лепестков.

«Ах, как это могло быть чудесно! Сидеть на ветке, свесив вниз босые ноги, в окружении розовой красоты, в этом облаке пьянящего аромата и чувствовать, как губы мужа нежно целуют твою обнаженную шею… Аж, мурашки по коже… Эх, жаль, что сейчас не весна, но может быть где-нибудь на Окинаве, на самой южной горе расцветет для меня хоть одна веточка сакуры?» – мечтала она по дороге домой, всматриваясь в запотевшие стекла машины.

Расплатившись с таксистом и оставив ему мимолетом на щеках след губной помады, Эльмирочка сразу разорвала всученную ей визитку. Больше она никогда и ни за что не собиралась изменять мужу. Затем она нырнула в подъезд своего дома, совсем забыв перекинуться парой фраз с вахтершей, как это она обычно делала раньше. Она даже не стала ждать лифта, который где-то застрял на верхних этажах. Нетерпение разрывало ее, и женщина быстро разулась и побежала вверх по лестнице, вспомнив далекое детство. Уже на десятом этаже, едва сдерживая дыхание и бешеный ритм своего сердца, она прильнула к двери своей квартиры и нажала звонок.

– Эй, Вы там уснули что ли! – выругалась она и прислушалась.

За дверью гремела громкая музыка и только сильные, на-

стойчивые удары пяткой о дверь, помогли Мирочке проникнуть домой. Дети, вернувшиеся со школы, обступили мать еще в коридоре, вырывая пакеты с подарками.

– Где Ваш папа? – спросила она.

Смутное сомнение начинало терзать душу Мирочки.

К своему большому неудовлетворению, никакие чемоданы не собирались, и дети к теще не отправлялись. Все было, как обычно. Муж лежал на диване, грузный и большой, посасывая из горла очередную бутылку пива. Он даже не глянул на нее, почесывая неприлично пузо, на котором должны были лежать два билета до Токио.

– Ну, слава барабану, кошечка, – махнул он, даже не глядя на жену. – Я уж не знал, как тебя поскорее вызвать… Концерт уже два часа идет… Присаживайся поудобнее. Я тебе местечко занял.

Он немного сдвинулся, словно, и правда, освобождая место для своей обманутой жены. Там в телевизоре, на фоне красивых пейзажей с вечно цветущей сакурой какие-то волосатые японские парни в кимоно агрессивно били в барабаны.

– Так ты наврал на счет билетов? – вдруг начал доходить до Мирочки весь ужас ситуации. – Это и есть твои вип-места, скотина!? Как ты мог! Я оставила подруг в самый неподходящий момент!

Она вдруг схватила пустую бутылку, стоящую у дивана. Рука ее все еще была в белой перчатке.

– Ой, только не надо! Знаю я хорошо ваш неподходящий момент… Потрепаться и по телефону можно, а вот дети голодные. Их в школе не кормили, у них там кто-то отравился, на фиг.

Женщина ощутила почти неконтролируемый приступ ненависти к мужу, и она сделала угрожающий шаг в его сторону. Больше всего на свете она желала не видеть больше это противное до омерзения одутловатое лицо, но отдаленные возгласы детей, радостно взвизгивающих при распаковке подарков, остановили ее. Мальчик лет восьми заглянул к родителям.

– Мама, а можно я поиграю в этот новый конструктор?

– Конечно, Витенька, поиграй, – сказала Мирочка, скрыв свое волнительное состояние.

Она все еще держала пустую бутылку в руке, и, видя всю нелепость ситуации в глазах сына, поставила ее на пол.

– Ну, не ругайся, кошечка! – почти елейно произнес муж. – Просто мы все соскучились по тебе!

– Мама, мама, что ты нам приготовишь? – зазвучали голоса детей, и их головы высунулись из-за дверей комнаты. – Пойдем потом на каток! Мама, ты же обещала!

– А уроки сделали? – спросила она по привычке.

– У нас завтра каникулы, – засмеялись дети.

Эльмирочка тяжело вздохнула. Путешествие в Токио накрывалось медным тазом. Скрежеща зубами, почти рыча, она сбросила с себя взмокшую от быстрого подъема по лест-

нице шубку. Затем она накинула на гвоздик шляпку с припорошенным снегом хвостом попугая и, вставив свои ноющие ножки в белые тапочки, с какой-то убийственной обреченностью пошла на кухню. Там она убрала свои распущенные волосы в небольшой хвостик, накинула на себя привычный фартук и преобразовалась в домработницу.

– Что же вам такое, троглодиты, приготовить? – задумалась она на мгновенье и затем, почувствовав, что полностью вымотана, решила ограничиться яичницей.

Она открыла холодильник и вытащила оттуда десяток яиц.

– Нашли рабыню Изауру! Ишь, удобно устроились! – ворчала она, разбивая с ненавистью яйца о край раскаленной на огне сковородки.

Масло шипело и пенилось, а треск скорлупы заглушал даже барабанный бой телевизора, доносящийся из зала. Японские острова уплывали куда-то вдаль, и лишь едва уловимый запах цветущей сакуры долго не отпускал ее, преследовал, где бы она не находилась, манил в свои сказочные сады, обещая любовь и ласку.

После обеда Мирочка вместе с детьми отправилась на каток недалеко от дома. Муж так и уснул на диване перед гремящим и стучащим телевизором в окружении своих более покладистых любовниц – пустых бутылок, и эта привычная картина окончательно опустила ее на землю.

Снег усиливался, и Эльмира, чтобы отвлечься от дурно-

го настроения, успокаивала себя и делала вид, что все нормально. Она как будто все еще верила в новогодний сюрприз мужа: билеты лежали у нее в кармане, а все чемоданы были собраны к отлету. Почему же она тогда никуда не полетела? Просто из-за начинающегося снегопада все рейсы до Токио отменили, и семья решила отметить Новый год дома. Да и мама будет только рада.

«Нет, ну как он посмел! Как посмел!» – иногда все же прорывалась гневная мысль.

Она чувствовала, как холод овладевает ей. Насморк только усугублялся, женщина тихо чихнула.

На катке было много народа. Из-за обилия снега дежурили несколько дворников. Поверх их ватников и телогреек были наброшены светоотражающие желто-зеленые жилеты. Они довольно неумело ходили прямо по скользкому льду и чистили его широкими лопатами. Играла веселая приятная слуху музыка из советских добрых кинофильмов. Эльмира не каталась. Она с детства не любила коньки. Поэтому отпустив детей на лед, она присела на скамью и наблюдала за ними, грустно улыбаясь и давая бесполезные советы. Дети были так увлечены катанием, что не обращали внимания на настроение матери. В пелене падающего снега они катались по кругу, веселились, звонко перекрикивались и смеялись.

– Мама, смотри, как я умею… – кричал ей младший сын в вязаной шапочке.

– Осторожно, Витя, смотри не упади, – говорила она ему,

улыбаясь.

Витя был самым младшим в семье, и, пожалуй, только к нему она сохранила еще так остро материнское чувство. Он нуждался в ее любви. Старшие сыновья, двенадцати и четырнадцати лет, были привязаны сильно к отцу. Они быстро выросли и повзрослели, и Эльмирочка уже ждала того часа, когда отправит их в свободную гавань.

«Если бы не Витенька, – подумала она вдруг, вытирая платочком свой покрасневший носик, – я бы давно ушла. Все эти мои унижения, все эти страдания зиждутся на чувстве долге перед этим ребенком. Еще годика два и я, конечно, подам на развод. Это неизбежно, и муж, конечно, предполагает, что так и будет. Он так и говорит: «Придет время – заберешь Витеньку и переедешь к маме, ну а пока, Мирочка, терпи…».

Женщина сидела неподвижно, словно завороженная чем-то, лишь иногда смахивая со своих длинных ресниц этот навязчивый пух зимы. Снег напоминал ей цветущий вишневый сад, ее непостижимую далекую сакуру, и она как будто оказывалась в этом сказочном саду по мановению волшебной палочки. Она даже улыбалась пурге, едва сдерживая слезы, боясь, что иллюзии о весне рассеются, и она окажется один на один с жестокой реальностью. И когда мимо нее пролетали, резвясь на коньках, люди, она старалась не встречаться с ними взглядами, чтобы не выдать себя.

Кто-то осторожно тронул ее за плечо, и она вздрогну-

ла, почувствовав тяжесть руки незнакомца. Это был один из дворников, следящих за тем, чтобы снег не засыпал каток. В руках у него была кружка кипятка с пакетиком чая. Пакетик нужно было еще размешать, и он, нетронутый, словно специально ждал этой важной минуты.

– Ты наверно замерзла! Держи! – сказал дворник с восточным акцентом, протягивая женщине чашку.

Мирочка никак не отреагировала на «ты» и даже не успела поблагодарить этого человека. Словно в глубоком сне она взяла горячую кружку двумя руками, согреваясь нежданным теплом через свои промерзшие перчатки.

– Откуда Вы взяли здесь чай? – наклонила она к клубящемуся пару свое мокрое от снега лицо.

– У нас в бытовке кипятильник есть. Пей, – ответили ей. – Я вижу, ты дрожишь.

– Да, дурацкая синтетика, хотя стоит, как норковая шуба, – призналась Эльмира, делая осторожный глоток.

– Ты пакетик размешай, – посоветовал дворник и пошел к катку грести снег. – А чашку на лавке оставь потом. Я заберу.

«Вот странная штука жизнь, – подумала она в запорошенной шляпке. – Чужой, абсолютно чужой человек увидел меня тут замерзшую и принес чай… так приятно… А от мужа ничего не дождешься, один эгоизм и барабаны».

Сделав с большим удовольствием пару согревающих глотков, она услышала знакомый рингтон «Чарующая скрипка».

Кто-то из подруг настойчиво пытался достучаться на ее маленький, бесконечный Самсунг. Эльмира неохотно вытащила из сумочки телефончик. Звонок был от Жанны. Хоть и богачку-блондинку она и считала раньше лучшей подругой, но разговаривать с ней сейчас совсем не хотелось.

«Как она могла заграбастать мой подарок от Ларика, когда у самой куры деньги не клюют!»

Простой человеческий поступок уборщика снега, как предложенный чай, так растрогал ее, что она сейчас не была готова даже к фальшивым ужимкам. Сейчас ей безумно хотелось любви, любви настоящей, ответной, хотелось оказаться в саду цветущей сакуры и улыбаться счастливой улыбкой под нежными поцелуями с тем единственным и достойным. Ее очерствевшее от измен сердце еще верило в чистоту первого чувства.

«Да и не изменяла я никогда мужу, потому, как может изменять женщина, если не любит?»

Восторженно и тоскливо она играла на невидимой скрипке, и ей не хотелось обрывать звонок. Но потом Мирочка вспомнила, как может быть злопамятна Жанна даже на такие мелочи.

– Алле…. – выдохнула неохотно она в телефонную трубку, чувствуя как ее простуженный голос садится.

– Мирочка, миленькая, заичка… – раздался голос Жанны. – Ты на меня, правда, не дуешься?

– За что подружка?

– Ну как за что? За сегодняшнее. Мне так неудобно, честно-честно, что я у тебя под носом подарок Ларика утащила. Я немного попользуюсь, и тебе потом верну. Обещаю.

– Ну, что ты, пустяки…

– А что с твоим голосом? Ну как же так! Простудиться под новый год. Говорила я, пейте мелкими глотками, а вы все захлёбом… А знаешь, у меня есть классная идея… Сейчас к тебе заедет Павлик, сядешь к нему в машину и…

– Да, ты что, Жанна! Я не могу! – почувствовала какой-то подвох бывшая скрипачка. – У меня вечером вылет в Японию.

– Успеешь в свою Японию! В Москве все рейсы из-за снегопада смещаются на неопределенный срок, а я тебя всего на пару часов всего выкраду! Не хочу ничего слушать! Приказы не обсуждаются. Точка.

Связь оборвалась, и короткие гудки еще долго звучали каким-то эхом.

– Чего это она учудила на этот раз? – подумала Мирочка вслух. – Раскомандовалась, прям. Никакой личной жизни! Сегодня видимо все решили меня достать!

И словно в подтверждение ее слов где-то на катке упал ее любимый Витенька и громко заплакал. Его тут же подняли, отряхнули от снега, и хотя падение было обычное, он жалобно завывал и искал мать мокрыми от слез глазами.

В бане с достойным Сантой

У подъезда стоял Феррари цвета спелой клубники, припорошенной снежными сливками. Водитель, коротко стриженный, спортивного вида молодой человек в кожаной куртке, заботливо протирал тряпичкой горящие фары и не сразу заметил Эльмиру.

– Салют, Павлик, – махнула она ему, вылезая из каких-то сугробов. – Ну и снега сегодня… Что у твоей царицы там опять стряслось?

– Здравствуйте, Эльмира Багратовна, – обрадовался он. – Сегодня у Жанны Александровны новогодняя раздача подарков. Целый день мотаюсь по пробкам, подарки развожу. Смотрите, и мне какую курточку подарили. Испанская кожа. Тончайшая выделка. Теперь говорит, только в ней и ходи. Как Вам она?

– Ничего так! – оценивающе прищурилась бывшая скрипачка. – Но для нашей зимы тонковата…

– Во-во! И я о том же! Но пришлось одеть. Вы же знаете хорошо Жанну Александровну… Никаких возражений. Так и говорит мне. «Я бью, Паша, всего два раза. Один раз в лоб, а другой по крышке гроба».

Мирочка понимающе улыбнулась.

– Вы так неожиданно сегодня уехали… – продолжил замерзший на ветру водитель.

– Да, обстоятельства непреодолимой силы…

– Ну что ж. Лучше поздно, чем никогда. И для Вас, Эльмира Багратовна, я так понимаю, тоже приготовлен сюрприз.

При слове «сюрприз» Мирочка насторожилась.

– Ладно, давай, поехали… – высморкнулась она в платочек. – Надеюсь, недолго.

Феррари послушно рванул с места и унес скрипачку в неизвестные дали. Через несколько минут, минуя московские пробки по разделительной полосе, он претенциозно с яркими фарами въехал в исторический центр города и остановился у входа красно-белого здания с узкими окнами и декоративными башенками. Эльмира сразу узнала Сандуновские бани или в простонародье – Сандуны. По молодости она часто бывала здесь с подающими надежды дирижерами.

Павлик проводил пассажирку, шмыгающую носом, до дверей, где передал в руки седому швейцару в потертом мундире гусара.

– Здравствуйте, уважаемая Эльмира Багратовна. С наступающим Вас! – поклонился тот. – Счастья, здоровья, детишек побольше!

Он достойно нес свою службу, только вместо оружия у него были банные принадлежности – можжевеловый, украшенный мишурой, веник и мочалка, а на столике рядом тазик с красной икрой.

Мирочку безусловно ждали, к ее приезду готовились

и встретили как царицу-императрицу. Из колонок заиграл торжественный марш, когда она вступила, ничего не понимая, по красной ковровой дорожке. Мраморные колоны натерли до блеска, а под купольными золочеными сводами горели все хрустальные люстры. Затем Мирочка спустилась по белоснежной лестнице, бросая эстетические взгляды на бронзовые изваяния полуобнаженных женщин, держащих горящие факелы. Казалось, эти изваяния кланяются ей, и она тоже слегка кивала им в ответ, окончательно погрузившись в атмосферу элитных бань. Ее больные легкие жадно вдыхали приятные ароматы напаренных веников, и с каждым таким вдохом хворь оставляла ее. Мирочка даже забыла о том, какое расстройство ей учинил ее муж. Ее нос задышал, будто насморка и не было никогда. Затем она на ходу, сбрасывая с себя одежды и с восторженными криками, точно в объятия любовника, бросилась с головой в теплый бассейн.

– Ну, Жанна, ну молодец! – вынырнула она, обновленная и посвежевшая, и встряхнула мокрыми волосами.

Сейчас Мирочка могла делать все, что хочет. Ей объяснили, что все Сандуны в ее полном распоряжении, что никто ее не побеспокоит на протяжении двух часов. И она на правах настрадавшейся мученицы наслаждалась свалившимся на нее так внезапно блаженством. Она беззаботно плавала и плескалась в голубой пучине бассейна, с нескрываемым упоением отдавала свое уставшее тело в руки профессиональных массажисток и те творили над ней несомненное чу-

до. Она подолгу не вылезала из теплой плескающейся неги, пила дорогое вино и кушала фрукты, поставленные на край бассейна, и, наконец, после непродолжительных уговоров со стороны заботливого персонала под самый конец занавеса все же согласилась попариться. И хотя Эльмира всегда избегала парилок по причине слабых сосудов, но ради закрепления результата – а она реально ощущала хлынувшее на нее нескончаемым потоком здоровье, согласилась.

Парилка ждала ее. Она постелила полотенце на нижнюю полку и легла, положив голову на сложенные перед собой руки. Напаренный воздух внизу был щадящим, в воздухе благоухали ароматы цитруса и хвои, но она старалась не дышать. Обжигающий пар приятно обволакивал ее быстро покрывающееся испариной тело. По спине, рукам и щекам тек горячий обильный пот. В какой-то момент она расслабилась, опьяненная, может быть, лишним бокалом вина, и закрыла глаза. На какое-то короткое время она даже забылась. Ей не хватало сейчас для полного счастья мужчины, и как по мановению волшебной палочки дверь скрипнула, пробудив ее от фантазий, и в парилку вошел банщик, обернутый в полотенце. Она не сразу разглядела его сквозь пар, но ей понравились его мускулистые руки, хороший с выделяющимися кубиками пресс и широкие крепкие бедра, за которые ей вдруг захотелось ухватиться.

– Может быть, чашечку кофе? – спросил мужчина, и новогодний колпак на его голове показался ей знакомым.

– Привет, Санта… Ты ничего не попутал? Это русские бани, – улыбнулась она сквозь сон.

Можжевеловый веник слегка коснулся ее взмокшей от пота спины. Его колючий кончик прошелся по позвоночнику вниз, до самого копчика, и по-хулигански несильно шлепнув пару раз по ягодицам. Женщина простонала и изогнулась, требуя всем своим видом продолжения экзекуции.

«Сколько я выдержу, минуту или две?» – подумала она про себя.

Горячий воздух, нагнетаемый взмахом веника, обжигал ее нежное тело, мешал дышать, и, чтобы отвлечься от этого невыносимого дыхания, она представила себя в Японии и отдалась воле фантазий. И уже самурай в белом кимоно с беспощадным видом лупил ее по упругим ягодицам ветками из цветущей сакуры, а она, изгибаясь под этими ударами, вымаливала пощаду.

– Я сделаю все, что ты хочешь… Только убери этот веник.

– Все, что я хочу? – переспросили ее.

– Все, что ты хочешь, – подтвердила она.

Банщик убрал веник. Ее исполосованная спина покрылась вдруг тысячами поцелуев.

– Боже, как нежны твои губы… – простонала она, забываясь в блаженной нирване.

Сильные руки перевернули ее на спину, и она закрыла глаза в предвкушении ласки. Санта склонился над ней, прильнув губами к ее соленому животу, опустился ниже и его

звенящий колокольчиками колпак рассмешил ее до слез. Она извивалась, постанывая, и когда это произошло, она вцепилась в этот колпак и терзала его и мяла. Она, может быть, за много лет ощутила нечто давно забытое – сладостную растекающуюся точно огненная лава дрожь по всему трепетавшему ее телу. И это так ее удивило, что она приподнялась и стала всматриваться в этого банщика с большим интересом.

– Ах, это ты… – вдруг признала она в нем сегодняшнего бармена из кафе.

– Да, это я… – признался он, надевая сорванный колпак. – Но не подумай ничего плохого. После того, как ты так спешно ушла из кафе, твои подруги предложили мне продолжить банкет в Сандуновских банях. Они у вас богачки с завихрениями и считают, что все можно купить. В конце концов, у меня есть достоинство…

Мирочка приподнялась, опустив босые ноги на пол. Между их обнаженными и возбужденными телами был только горячий воздух. Мужчина возвышался перед женщиной, словно, молодой бог, готовый утешить падшую грешницу, и его красивое безупречное тело манило ее, зажигало вновь ненасытным желанием, и она, не поднимая вверх головы, загадочно улыбаясь, все же ухватила его за широкие бедра.

– О да! У тебя действительно большое достоинство…

– Я честно отказал им, – продолжил бармен из кафе, невольно приближаясь, – но потом узнал, что там будешь

только ты, и согласился без раздумий. Ты мне не веришь? Мне уйти?

– Нет, останься чуть-чуть, – облизнула она шаловливо свои губы. – Ты моя вишенка в тортике, дерзкий мальчишка.

Укрощение плоти

Индус в тюрбане как-то странно из стороны в сторону покачал головой. Этот тюрбан походил на увесистую оранжевую тыкву. При этом его длинная, темно-шоколадная шея оставалась статична, лишь борода, заплетенная в маленькие косички, шевелилась, точно живая. Затем он кивнул в сторону гуляющей по пляжу коровы, еще телки, с маленьким неразвитым выменем, и промычал ей короткую мантру, призывая в свидетели. Сказать он ничего толком не мог ни на хинди, ни на английском, так как его высунутый наружу язык был проколот деревянной иглой, не позволяющей ему даже закрыть окровавленный рот. Но Жанна все равно поняла, что это означает и даже подпрыгнула от радости. Вот уже добрых два часа она уламывала рыбаков из местной деревни отвезти ее на Западный Сентинел и познакомить с дикарями, но они наотрез отказывались даже за большие деньги, пугая жуткими последствиями, а этот согласился без лишних вопросов, ничего не требуя взамен.

– Вы знаете, что прежде, чем Вы увидите западного сентинельца, Вас поразит стрела прямо в сердце, как того несчастного миссионера, американца. Этот безумец проигнорировал трехмильный запрет властей и решил обратить его коренных жителей в свою веру на свой страх и риск, – внушали страх рыбаки белой женщине, когда она подошла к ним,

чтобы заказать лодку.

– Не знаем, на что он рассчитывал, прикрываясь от их метких стрел одной толстой книгой, – продолжали они отговаривать отважную туристку. – Наши друзья, отвезшие его на остров, до сих пор в тюрьме. Их семьи лишились кормильцев, дети ждут отцов, а жены мужей. И хотя в первый раз дикари прогнали их тупыми стрелами, то во второй раз просто изрешетили парня, вышедшего к ним с распростертыми объятиями. Вот какой гостеприимный прием окажут они Вам, леди.

Где-то недалеко застучал, действуя, на нервы барабан. Рыбаки расположились кругом на песке под манговым деревом, чьи голые гладкие корни во время шторма вымыла волна, и азартно играли в карты. В их громких и радостных возгласах, когда кто-то из них вдруг выигрывал, угадывалось какое-то детское ликование. Они вскакивали с мест, визжали, точно ужаленные коброй, и танцевали свой «последний» танец, хлопая в ладоши в такт барабанной дроби и топча коралловый песок ужасно тощими и коричневыми от солнца ногами. Затем, когда эйфория рассеивалась, они снова усаживались в позе лотоса, со спокойными, не выражающими никаких эмоций лицами, подобрав под себя босые ступни, и продолжали игру. Их деревянные, сильно поддержанные лодки, в которых они обычно возят туристов вокруг острова за сто рупий, лежали лениво на боку, привязанные к разбросанным по пляжу корягам или воткнутым в песок кольям.

Работа неожиданно встала, так как вода отступила еще сегодня ночью и обнажила острые подводные камни. К тому же, погода была довольно ветреная, не располагавшая к навигации. Немаленькие волны все время норовили сбить с ног, поэтому даже самые бесшабашные туристы в воду заходить боялись и слонялись без дела у Зеленого моста – местной достопримечательности.

Там шло какое-то совершенно жуткое представление, посвященное празднику укрощения плоти. Под ритмичный бой барабанов и завывание мантр один худощавый индус в характерных одеждах танцевал с закатившимися от транса глазами. Он уже пробежался по горячим углям, попрыгал по торчащим гвоздям, разбил о свой тюрбан пару булыжников, но не удовлетворился этим и искал для себя, очевидно, еще каких-то экзекуций. На его взмокшем под жарким тюрбаном лбу поставили пеплом точку, и в самый кульминационный момент, когда по заверениям организаторов шоу, танцор уже достиг наивысшей точки нирваны и не может априори испытывать боли, ему прокололи насквозь язык. В его израненный рот щедро залили из бутылки ром, затем поднесли огонь и он еще выдохнул два или три раза огненное облако, чуть не опалив носы самым любопытным зевакам. Народ еще долго ахал, бледнел, падал в обморок, но продолжал снимать и фотографировать даже тогда, когда извивающегося адепта самоистязания в каких-то эпилептических конвульсиях подхватили за руки и за ноги и понесли куда-то

в сторону пальмового леса, сопровождая танцами под барабан и осыпая туристов остатками пепла.

– Я плачу целую тысячу долларов! – стояла на своем Жанна. – Пять сотен сразу, остальные пять потом. Проблемы с полицией или военными беру на себя.

Для пущей убедительности она вытащила из наплечной сумки веер зеленых купюр и взмахнула им перед рыбаками. Этот привычный для нее жест, действующий всегда безотказно, не произвел абсолютно никакого впечатления на присутствующих, и деньги к всеобщему стыду пришлось убрать обратно. Жанна явно смутилась. Она еще не знала, что индусы в этих краях разительно различаются по менталитету от тех индусов, которых она видела хотя бы на пристани Калькутты.

Если городские были алчные и хитрые, не говоря уже о том, что ели грязными руками и мусорили там же, где находились, то жители острова Нэйл, самого маленького островка Андаманов, оказались бескорыстными, добрыми и чистоплотными. Они угостили прибывшую по туристической визе гостью только что сорванным с пальмы кокосом и посулили ей прогулку со слонами, как только те вернутся из джунглей.

– У нас самые лучшие фрукты, леди, – говорили они. – Слон обучен срывать их для Вас хоботом с любой ветки. Оставьте Вашу затею с дикарями Западного Сентинела! Это очень плохие парни. Тут Вы найдете куда более подходящую компанию.

Они искренне не желали подвергать богачку-чудачку смертельной опасности, тем самым, наглядно демонстрируя, как большие города портят людей, и что бедная жизнь в провинции куда полезней для души и тела. Но скоро навязчивость туристки, размахивающей веером стодолларовых бумажек, наскучила им, и они стали уже подтрунивать над ней.

– Покажите свои доллары администратору отеля. Он вмиг сбросит с себя одежду и организует отличное представление.

– Последнее предложение, – настаивала на своем белая женщина. – Пять сотен каждому из Вас и две тысячи добавлю при благополучном исходе дела.

– Рис везде одинаковый, – говорили они, улыбаясь. – Благополучного исхода дела не будет, леди. Эти дикари очень агрессивны. Любая лодка, подплывшая к берегу, сразу попадет под атаку стрел и копий. Там даже полицейский вертолет летать боится. О чем вообще речь? Если Вы хотите потратить деньги с пользой, пожертвуйте их на пансион для старых слонов. Уж кто-кто, а они заслужили Вашей любви. Это мудрые и сильные животные доживают свой срок, честно послужив людям шестьдесят лет, а то и более. Правительство запретило нам при транспортировке древесины и сбора фруктов использовать тракторы, так как машины портят почву джунглей…

– О, Боже, я не привыкла жертвовать на пенсионеров! – уже выходила из себя Жанна. – Вы понимаете, я просто хочу увидеть голых туземцев… Столько денег на дороге не валя-

ется. Чего вы боитесь? Неужели из вас не найдется хоть одного смельчака? Просто отвезите меня туда и все. Я подарю им вот эти бусы, разденусь догола и сделаю всего пару селфи с ними на девственном пляже.

– Нельзя, леди… Если Вам уже так невтерпеж сбросить одежды и слиться с бирюзой нашего моря, на Хэвлоке да и на Нэйле есть прекрасные нудистские пляжи. Рис везде одинаковый…

– Но мне хочется полного астрала, а в моем бунгало кондиционер…

Чтобы отвязаться от назойливой, точно муха, туристки, которая мешала их игре в карты и явно не собиралась сдаваться, рыбаки указали на небольшую, но очень шумную процессию, уносящего куда-то под шелест пальмовых листьев индуса с проколотым языком. Его держали за руки и за ноги, а проколотый язык в нескольких местах деревянными иглами поливали на ходу крепким ромом.

– Ну, уж если Вы так настойчивы, леди, попытайте счастье у Парвиндора. Это молодой сикх, изучающий у нас языческие практики. Он немного чудоковатый, держится всегда в стороне и укрощает свою плоть, но у него есть бамбуковый катамаран. Может быть, он согласится. Только деньги не предлагайте, это испортит все дело. И, самое главное, Вам не потребуется переводчик, он знает превосходно английский.

Ветер, дующий весь день с моря, внезапно затих. Поло-

вина солнца уже погрузилось в море, и на Андаманские острова надвигалась южная ночь. Где-то в джунглях вскрикнула тоскливо какая-то птица, и ее потревоженная чем-то тень с большим, как у пеликана, клювом еще долго кружилась над островом. Огненные облака медленно растекались над горизонтом, когда таинственная индианка с наплечной сумкой из соломы взобралась на маленький двухместный катамаран. Молодой сикх в тюрбане помог ей устроиться поудобней и, не задерживаясь, оттолкнулся шестом от берега. Перед отплытием он все же вытащил иглу из языка, чтобы изъясняться на английском.

– Мой дорогой друг, – сказал он учтиво, вглядываясь в невиданную им прежде красоту Шакти, – если вдруг нас остановит патрульная служба, мы скажем, что заблудились.

Прелестная индианка в богато украшенном сари понимающе кивнула, любуясь закатом. Лучи заходящего солнце осветили ее бледный профиль с нежными чертами лица и выдали в ней белую женщину. Устремленный вдаль взгляд под строгими изогнутыми бровями, чуть вздернутый, тронутый загаром нос и большой эротичный рот….Без сомнений, это была Жанна, отважная путешественница и охотница за экзотическими ощущениями. На этот раз ее волосы были покрыты шелковым платком чистого небесного цвета. Шикарная русая коса свисала до самой талии, и когда женщина откинула назад голову, чтобы посмотреть, как проклевываются на вечернем небе первые звезды, конец этой косы,

украшенный бантом из такого же нежного шелка, неслышно погрузился в воду.

– Ах, как это прекрасно, Парвиндер! Мне до сих пор не верится… – тихо сказала она с какой-то долей трагизма в голосе и достала из сумочки зеркальце с косметичкой.

Катамаран тронулся под плеск весел, подхваченный прибрежным движением, и сейчас Жанна, покачиваясь на этих слабых волнах, походила больше на благородную русскую княгиню, отправившуюся на поиски своего пропавшего мужа. Ее движения были полны степенного величия и понимания собственного достоинства. Когда взгляд ее красивых глаз устремлялся вдаль, нарисованные бровки сурово изгибались, а черты лица становились холодными, словно она обдумывала и смаковала жуткую, но справедливую месть. Парвиндер не мог насмотреться на нее. Он все еще находился в какой-то прострации и покорно улыбался. Праздник укрощения плоти все еще продолжался в его самоистязающей душе, но уже был нарушен явлением этой белой богини.

Жанна окинула взглядом залив, словно уже надеялась увидеть заветный остров, и стала наводить марафет, совсем не стесняясь индуса: подкрасила губы алой помадой и напудрила начинающий шелушиться от солнца носик. Она словно готовилась на свидание с любимым и важным в ее жизни мужчиной и, достав из наплечной сумки флакон туалетной воды, несколько раз попшыкала из пульверизатора свою всегда готовую к нежному поцелую шею.

– Теперь мне понятно, что должен чувствовать человек, готовый пойти на все, – ее переполняли эмоции под скрип катамарана и всплеск весел. – Все это открывается только в процессе, когда назад поворачивать поздно.

Она не верила, что этот сумасшедший за поездку не возьмет с нее ни цента, что он просто согласился помочь ей из добрых побуждений, как велит ему его воспитание. Благодетель и вправду ни на что не рассчитывал, кроме разве что слов благодарности, но Жанне было некогда разбираться в людях, их мотивах поведения и религиозных воззрениях. У избалованной жены олигарха всегда на все вопросы был один ответ – людям верить нельзя и особенно бедным и нищим людям, которым нечего терять. Вот почему она оставила все свои ценные вещи и документы в сейфе отеля в Нэйле, а на случай своего невозвращения дала стандартные указания администратору. С собой она лишь захватила сувенирные бусы, сделанные из разноцветных недорогих камушков, купленные ею еще в Дели по прилету из Москвы и телефон для экстренной связи.

– А почему мы плывем таким древним способом? – спросила она деловито, глядя как индус тяжело разгребает воду веслами. – У нас мотор не работает?

Парвиндер посмотрел на свою спутницу полными высочайшего почтения глазами. Праздник укрощения плоти начался как нельзя лучше. Во время транса он достиг четвертой точки в оранжевой чакре Схвадхистана, полетал над

звездами и удачно ухватился за хобот Ганеши. Пусть это были всего лишь короткие минуты аффекта, мгновения драгоценного озарения, но его убитый стуками барабана мозг все же четко и явно осознал, что человеческое сознание не стоит на месте, а постепенно и поэтапно движется вверх по спирали.

– Мотор? – переспросил он, словно припоминая что-то. – О чем ты, друг? Бензин – дорогое удовольствие в здешних краях.

– А парус?

– Парус есть, конечно, но он пропускает. Я люблю штопать его во время плавания. Это не совсем удобно, особенно когда на море качка, но время летит незаметно. Вон, посмотри на мою работу. Все это не элементы дизайна.

Парвиндор показал на стянутую к мачте парусину с множеством заплат, сияющих дырок и грубых, стягивающих швов.

– Да и сейчас он бесполезен. Ветер утих, и на море штиль. Так что будем рассчитывать только на собственные силы.

– Глядя на тебя, не скажешь, что на это можно рассчитывать, – расстроилась женщина, отвернувшись в сторону, но гребец засмеялся.

– О, мой друг, – ответил он, успокаивая ее недоверие к его физическим возможностям. – Не было еще случая, чтобы необожженный кувшин сохранил воду, решето – муку, а обжора – чапати. Умеренный в еде всегда силен и здоров. Воз-

держание и самоистязание – вот самая короткая дорога к Создателю!

– Это уж верно… – ухмыльнулась женщина, чувствуя, как от насыщенного кислородом воздуха хочется сильно есть.

Перед отплытием Жанна напрасно отказалась от ужина в отеле. Она еще рассчитывала вернуться до рассвета. Там ее до сих пор ждали жареный цыпленок и охлажденная бутылочка воды «Perrier».

– Мы ограничиваем себя во всем, даже в одежде…

– Почему же ты носишь эту чалму? – спросила тогда с любопытством женщина. – Мне кажется, она мешает тебе. Давай я помогу тебе ее развязать.

– О, нет! Это не чалма, а дастар – головной убор сикхов, – улыбнулся Парвиндер, словно несмышленому ребенку. – Снять это на людях для нас сикхов – большой позор.

– Но здесь никого нет, кроме нас двоих, – справедливо заметила женщина, снимая с себя платок и оголяя свои узкие плечи. – Будет разумно, если мы скинем с себя немного одежды. Ведь сейчас довольно душно. Или ты что-то прячешь там?

– Здесь моя гордость, друг, – признался Парвиндер, поправляя дастар.

– Гордость?

– Да, там мои волосы. Знаешь ли ты, что сикхи никогда не стригутся? Тебе нужно изучить хорошо историю Индии, друг. Она очень древняя и интересная.

– И все-таки я бы на твоем месте немного разделась.

Молодой сикх всегда верил в единственного Бога, даже окунувшись с головой в оккультизм и язычество местных племен. Вера была непоколебима в его представлении о природе вещей и духов, а поиски самого себя не противоречили сущности – он всего лишь приобретал опыт путем проб и ошибок. И вот вся эта косная незыблемость, впитанная с молоком матери и привитая чтением с пеленок «Гуру Грантх Сахиб», вдруг куда-то исчезла и, еще сегодня днем под шелест пальмовых листьев, заплетая вокруг своей никогда нестриженой головы чалму, он впервые почувствовал, как чакра Анахата кольнула его в самое сердце. И вот хобот Ганеши поднял его просветленного над Землей, чтобы он расцвел большим сияющим лотосом… И когда перед ним появилась эта белая женщина, как знак нового завета и новой любви, он, задетый этим прекрасным явлением, еще не различая грань между реальностью и иллюзией, уже попытался вытащить из своего языка эту иглу – символ смиренного молчания. Ему было и смешно, и ужасно неловко, он уже начинал чувствовать настоящую физическую боль, и на вопрос незнакомки «готов ли он отправиться с ней на край света?», просто кивнул, все еще находясь под властью новых откровений.

И сейчас, несмотря на то, что язык распух от прокола и болезненно ныл, с его губ не сходила блаженная улыбка, обнажающая все его черные как смоль зубы. Жанна даже по-

думала, что он просто нажевался бетеля с кусочками семян пальмы катеху.

Она догадывалась, как опытная женщина, что нравится молодому сикху все больше и больше. Это ее не удивляло, но она отгоняла от себя всякие мысли близости с ним, держа на расстоянии хотя бы вытянутой руки, но не потому, что тот был в ее глазах отталкивающим субъектом. Наоборот, Парвиндер нравился ей, как мужчина, но он, на свою беду, не был ни людоедом, ни дикарем, готовым в любой миг растерзать ее, и это сейчас расстраивало отважную богачку больше всего на свете.

– Туда, куда мы плывем, не лучшее место для белой женщины, – пробормотал индус, вглядываясь в свою спутницу, словно пытаясь угадывать ее мысли. – Зачем нам на этот остров?

– Я также как и ты в поисках себя, – ответила Жанна уклончиво. – Мне кажется, что это приключение откроет для меня много нового и интересного. Я, как отважный и дерзкий первопроходец, испытываю благоговейный трепет в душе только от мысли, что скоро моя нога ступит туда, где живут первобытные дикари… Сколько нам еще плыть?

– Думаю, к рассвету будем, друг, – прикинул Парвиндер, налегая на весла. – Если, конечно, не подкачает погода. Мне не нравится, что стих так внезапно ветер. Обычно затишье перед бурей.

Катамаран проплыл мимо торчащей из-под воды мачты,

на которой дремали точно на жердях в курятнике сонные альбатросы. Они прятали свои клювы под сложенные крылья и приоткрывали свои черные строгие глаза. Убедившись, что им ничего не угрожают, птицы затихли.

– Что тут случилось? – спросила Жанна, всматриваясь в глубину вод, где в ореоловом сиянии виднелся обросший ракушками и водорослями остов затонувшего судна.

– Да, погода в этих краях переменчивая, – ответил печально индус. – В прошлом году по Бенгальскому заливу прошлась большая волна, последствия которой ты могла наблюдать в Нейле. Несколько рыбацких лодок разметало на сотни миль. Много домов смыло, пропали бесследно люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.